

Полосы дождя тянулись, словно плотная ткань, а серебряные всполохи были подобны острым лезвиям. Вспышки молний и раскаты грома накладывались друг на друга и перекликались, то приближаясь, то снова уходя вдаль, падая на лица людей призрачными переливами света и тени.

Эта дождливая ночь, пропитанная запахом крови, была обречена навсегда остаться в памяти.

Когда Чу Му медленно договорил, Се Тин Юэ уже всё понял.

Оказывается, они оба, каждый на своей стороне, почти одновременно столкнулись с опасностью! Это было чистой случайностью, но каждый справился с ней весьма достойно. У него положение было относительно лёгким, в конце концов, у этих разбойников изначально не было намерения убивать. Всё, что они делали, сводилось лишь к подчинению Сяо Юнь Фэна, чтобы они все вместе смогли вновь приняться за старое ремесло и разбогатеть. Если бы не Се Тин Жи, эта паршивая овца, что всё испортила, они, возможно, уже вели бы душевную беседу, придя к полному согласию.

Чу Му был поистине умён.

Если анализировать ситуацию на тот момент, принц Ли был большой проблемой, но в то же время — особой «золотой биркой спасения жизни»*. При нем было нечто, желанное для других, и потому, взвесив все «за» и «против», противники осмеливались лишь на угрозы и принуждение, но не желали убивать. А Чу Му просто не повезло — он оказался невинной жертвой, которую втянули в эту историю.

*П.п. Золотая бирка спасения жизни — идиоматичное выражение, означающее могущественную защиту, неприкосновенность.

И всё же за такой короткий срок он сумел увидеть суть происходящего, уловить скрытую ключевую точку. Действовал решительно и смело, использовал нож и перевернул ситуацию так, что всё мгновенно изменилось. Откуда у него такая пронизательность? Как Чу Му вообще смог это сделать?

Дождь лил как из ведра, ночь была ледяной, и всё вокруг затянуло сплошной пеленой так, что даже количество нападавших нельзя было толком сосчитать. Испытывал ли он страх? Окруженный со всех сторон, без единого пути к отступлению, неспособный даже самостоятельно передвигаться — что творилось у него на душе?

Се Тин Юэ мысленно представил себе эту картину, почти физически ощущая, каким был Чу Му в тот момент. Он, конечно, нервничал и переживал, но одно было совершенно невозможно — чтобы он смирился и отступил...

Чу Му был именно таким человеком.

Внешне он казался болезненным, бледным и слабым, но никто не знал, какая сила таилась в его сердце.

Но, увидев его, Чу Му испугался. Его руки дрожали, губы были плотно сжаты, а объятия были крепкими и непреклонными, не терпящими отказа.

Се Тин Юэ замер, а в голове неистово забились одна мысль.

Неужели это... значит, что в сердце Чу Му он занимает какое-то особенное место?

Он был особенным, не таким, как все остальные, занимал самое центральное и важное место, и малейшая угроза, нависшая над ним, могла лишить Чу Му всякого самообладания.

— Как хорошо, что госпожа невредима, — сказал Чу Му, крепко обнимая его за талию. Голос, смешавшись со звуком дождя, проник Се Тин Юэ прямо в уши.

И хотя его голос звучал очень мягко и тихо, бесконечный шум дождя в ушах Се Тин Юэ стал всего лишь фоном. В уши и прямо в сердце проникла лишь эта фраза — бесконечно нежная и бесконечно полная привязанности, от которой сердце таяло и превращалось в мягкий комочек.

Казалось, всё в этом мире исчезло: дома растворились, люди пропали. Во всей бескрайней вселенной остались лишь сплошная дождевая пелена и их силуэты в объятиях друг друга.

В этот миг на всём белом свете не существовало никого, кроме них, и они были всем миром друг для друга.

— Мм.

В сердце Се Тин Юэ разлилось тёплое чувство. Ему хотелось, чтобы это предположение оказалось правдой, хотелось стать в сердце другого тем особенным, непохожим ни на кого человеком. Но тут же нахлынули тревога и опасение: а не слишком ли он... жаден? Чу Му был стойким и храбрым, всегда обладал непоколебимой отвагой и уверенностью в себе. С чего бы ему меняться ради него, становиться человеком, который волнуется, боится, теряет уверенность, как самый обычный слабак?

Чу Му, обнимая Се Тин Юэ за талию, удовлетворённо вздохнул:

— Я больше никогда не отпущу госпожу от себя.

— Мм. — Се Тин Юэ было невыразимо жаль Чу Му, только что пережившего такое состояние, да и нынешние обстоятельства вызвали опасения: неизвестно, не повлечёт ли это последствий в будущем. Так что в ближайшее время им действительно лучше не расставаться.

Чу Му, наконец-то придя в себя, спросил:

— Что только что произошло?

Се Тин Юэ пересказал всё, что случилось после его ухода.

Включая то, откуда взялись разбойники, каковы были их замыслы и цели, какова их связь с Сяо Юнь Фэном и что именно они здесь совершили... В особенности всё, что касалось соли. Обстоятельства уже прояснились, и Се Тин Юэ подробно, пункт за пунктом, изложил Чу Му все детали и причины произошедшего.

Разумеется, и про Се Тин Жи тоже.

Всё шло гладко, но он своими действиями направил мысли разбойников в опасное русло. Те, окрылённые фантазиями, пошли на отчаянный шаг, и ситуация вмиг стала смертельно опасной.

— О? — Взгляд Чу Му, упавший на Се Тин Жи, мгновенно изменился, став ледяным. — Вот как?

Се Тин Юэ проследил за его взглядом и тихо вздохнул.

Попасть в такую незаслуженную беду... не говоря уже о Чу Му, даже он сам не стал бы прощать этого «старшего брата».

Если уж вредить и пакостить, то не до такой же степени!

Но если говорить о его вине... Он ведь не намеренно всё сделал, просто глуп до невозможности и мозги не на месте. Дурные мысли в голове водились, но он не собирался убивать, собственноручно он ничего не совершал. Что тут сделаешь? Даже если подать на него жалобу в суд, его всё равно не приговорят к смертной казни. Неужели он, Се Тин Юэ, сам его убьёт? Хоть он и презирал мачеху Линь и двух её отпрысков, но не был настолько жесток, чтобы просто так отнимать жизнь. Сурового наказания было бы достаточно.

Но как проучить так, чтобы Се Тин Жи действительно усвоил урок и никогда больше не смел повторять?

У Се Тин Юэ слегка разболелась голова.

Се Тин Жи съёжился в углу, дрожа, как цыплёнок, его лицо всё ещё было растерянным и испуганным. Но даже при всей своей медлительности он теперь, должно быть, сообразил, что наговорил лишнего.

А когда Чу Му посмотрел прямо на него, в его взгляде совершенно отчётливо была видна угроза. Как можно было её не почувствовать?

— Нет, это не моя вина! Это те разбойники... они виноваты...

Чу Му усмехнулся, но ничего не сказал.

Он промолчал не потому, что не хотел говорить, а потому, что битва снаружи уже закончилась.

Благодаря мощной поддержке Цинь Пина Сяо Юнь Фэну стало куда легче — даже вдвоём против четверых они имели явный перевес. Однако главаря убил Чу Му, и для них это ничего не значило, а вот для противников это стало настоящей бедой.

Братья каждый день были вместе, и между ними возникла крепкая связь. Когда главарь погиб, как могли остальные не быть охвачены горем и яростью?

Их приёмы становились всё более смертоносными, они всё больше распалялись и окончательно перестали себя сдерживать.

Клинки и так слепы, а раз противники перестали щадить, Сяо Юнь Фэн и Цинь Пин, естественно, стали действовать ещё осторожнее. В этой схватке пали ещё двое разбойников.

Глаза оставшихся двоих налились кровью.

— Сяо Юнь Фэн, как ты смеешь против нас применять смертельные приёмы!

Но разбойники были не глупы: поняв, что им не одолеть противника, они, разумеется, не стали биться насмерть, а, выпрыгнув из круга боя, бросились бежать что есть сил.

— Ты думаешь, нас и впрямь всего пятеро? Глубоко ошибаешься! Я прямо сейчас созову всех своих братьев, готовься к смерти!

Противник был непреклонен, и на фоне воющего ветра и хлёсткого дождя угроза прозвучала особенно решительно.

Похоже, в ближайшее время им предстоит ещё одна яростная схватка — не на жизнь, а на смерть.

Се Тин Юэ размышлял: эта буря ещё не утихла, а другая уже назревала. Дорога впереди и правда обещала быть трудной.

Но это не страшно, лишь бы люди были живы. Пока есть люди, есть и будущее.

Постепенно всё стихло. Сяо Юнь Фэн убрал длинный меч и кивнул Се Тин Юэ с Чу Му:

— Я распоряжусь, чтобы здесь привели всё в порядок, а затем присоединюсь к вам, чтобы должным образом сгладить пережитый испуг*.

*П.п. Сгладить пережитый испуг - устойчивое выражение, означающее успокоить, снять напряжение после пережитого страха, часто застольем.

Се Тин Юэ ответил:

— Глава, не беспокойтесь о нас и спокойно занимайтесь своими делами. Мы сами о себе позаботимся.

Большая буря миновала, так что успокаивать пережитый страх уже ни к чему. А вот о том, что, вероятно, ждёт их дальше, стоило поговорить.

И наверняка именно это и подразумевал Сяо Юнь Фэн.

Пока Се Тин Юэ был погружён в размышления, Чу Му уже начал разбираться с Се Тин Жи.

— Цинь Пин.

— Здесь!

— Раздень его догола и повесь на дереве снаружи.

— Есть!

— Нет... не надо! — Се Тин Жи вцепился в ворот и всем телом прижался к стене, его лицо исказилось от ужаса. — Ты не можешь так поступить! Нельзя! Не смей!

Как Чу Му мог его испугаться? Он тут же улыбнулся:

— Тогда скажи, почему же нельзя?

Се Тин Жи резко замолчал.

У него не было такой находчивости, чтобы на ходу придумать причину, способную убедить собеседника. К тому же Чу Му, этот лицемер, был коварен и жесток. Он даже бил его по лицу, так что в таком приказе с его стороны не было ничего удивительного.

— ...Не... нельзя...

Он ломал голову, но так и не смог придумать ни одного убедительного довода, и мог лишь тщетно, изо всех сил прижимать к себе свою одежду.

Разве с его жалкими силёнками он мог что-то сделать против Цинь Пина?

Широкая, как веер ладонь потянулась к нему. Стоило лишь слегка приложить силу, и одежда на Се Тин Жи разорвалась в клочья.

Видя, как его тело постепенно обнажается, Се Тин Жи, охваченный стыдом и яростью, побагровел:

— Убей меня! Убей меня, если сможешь!

Чу Му неторопливо ответил:

— Я не твоя мать, с какой стати мне исполнять твои никчёмные желания? — Он указал на Цинь Пина. — Найди подходящее место и повесь его.

Когда с него безжалостно сорвали последний лоскут одежды, Се Тин Жи, обеими руками прикрывая срамное место, уставился на молчавшего всё это время Се Тин Юэ:

— Се Эр, ты никчёмная дрянь! Ты что, будешь просто стоять и смотреть, как старшего брата унижают?! Родители столько лет тебя растили, где твоя совесть?! Собаки съели?!

Се Тин Юэ не ожидал, что старший брат и в такой момент будет столь бойким. Он на мгновение замер и лишь потом заговорил:

— Рассуждения старшего брата лишены всякой логики. Только что, когда меня оскорбляли, разве не старший брат стоял и смотрел, не сделав ни шага мне на помощь? Столько лет родители растили старшего брата, и где же его совесть? Собаки съели?

Се Тин Жи, скрипя зубами, выпалил:

— Да тот главарь на тебя так и не залез, в конце концов!

Как только прозвучали эти слова, сильнее всех вспыхнул не кто иной, как Чу Му. Его улыбка мгновенно исчезла с лица.

Се Тин Юэ поспешно погладил его по спине, успокаивая, мол, не стоит злиться из-за таких слов.

— А ведь слова старшего брата и впрямь неопровержимы, — с сияющей улыбкой произнёс он, поворачиваясь к Се Тин Жи. — Следовательно, и мой муж не собирался тебя убивать.

У Се Тин Жи тут же перехватило дыхание от ярости. Какая разница между таким обращением и убийством!

— Мелкий ублюдок! Чтоб ты сдох!

Не сумев выиграть спор, он перешёл на ругань.

Се Тин Юэ ещё больше развеселился:

— А разве старший брат не хочет как следует подумать о позе, в которой его будут подвешивать? Хотя мой муж и не имеет намерения убивать, но если кто-то сам упорно рвётся навстречу смерти, мы же не вправе ему мешать, не так ли?

Се Тин Жи тут же вытаращил глаза.

Он действительно не мог больше позволить себе такую беспечность!

Цинь Пин протянул свою большую руку и, словно цыплёнок, схватил его и понёс прочь — с поразительной лёгкостью! Судя по его плавной и уверенной походке, было ясно, что место уже выбрано!

Се Тин Жи мгновенно струсил и посмотрел на Се Тин Юэ глазами, полными слёз:

— Се Эр... второй... младший брат... Считай, что это старший брат тебя умоляет. Ну пожалуйста, хорошо? Только в этот раз, пощади меня один раз, всего один! Если я посмею провиниться снова — тебе и действовать не придётся, я сам себя убью, согласен?

Се Тин Юэ тяжело вздохнул.

Чтобы выжить, он способен проявить такую гибкость и бесстыдство...

И ведь мужчина, с причиндалами, даже его проблемная младшая сестра лучше него!

— А-а-а, Се Эр, мерзавец! Отпусти! Отпусти меня!

Вообще-то чувство стыда из-за того, что тебя раздевают догола, у мужчин и женщин разное. Мужчины обычно гордятся своими «мужскими достоинствами», и обнажить тело для них не такая уж проблема. В моменты безудержного возбуждения и безграничного пыла они и сами на такое способны. Но одно дело — когда ты сам этого хочешь, и совсем другое — когда тебя к этому принуждают.

А если это самое «достоинство» не столь уж внушительно, тем более не хочется, чтобы оно становилось предметом обсуждения.

Тем более, что поблизости собрались не одни лишь члены семьи Сяо — присутствовала ещё и госпожа Жоу.

Чу Му чрезвычайно заботливо напомнил:

— Советую тебе кричать ещё громче. Чтобы госпожа Жоу поспешила сюда, капельку поплакала и немного тебя пожалела.

Се Тин Жи мгновенно заткнулся.

Быть опозоренным на глазах узкого круга людей он ещё мог пережить, даже если это означает ещё больше насмешек в будущем. Но одна-единственная особа — госпожа Жоу — ни в коем случае не должна была об этом узнать. Иначе как ему сохранить лицо? Как дальше жить на свете?

Дождь хлестал резко и часто, барабанил по телу. Кожа горела сплошной болью. Вода затуманивала зрение, и всё вокруг превратилось в бесконечное размытое пятно. Руки его были вздёрнуты и крепко связаны — не то что прикрыться ниже пояса, он даже стереть воду с лица не мог...

На этот раз Се Тин Жи разрыдался по-настоящему.

И зачем только он был таким поганым на язык, что теперь должен расплачиваться за это!

Се Тин Юэ окинул взглядом место. Цинь Пин выбрал весьма удачно — открытое, просторное, но защищённое от ветра. Хотя дождь лил сильно, молний уже не было, так что опасности удара не существовало. Суть наказания сводилась к тому, чтобы мокнуть под дождём без ветра — этого было достаточно, чтобы Се Тин Жи изрядно намучился, серьёзно простудился, и стал всеобщим посмешищем, знатно опозорившись. Но жизни его ничто не угрожало, поскольку Цинь Пин не спускал с него глаз.

После такого наказания Се Тин Жи наверняка проникнется страхом. Он уже дважды пострадал

от рук Чу Му и уж точно не осмелится снова повторить что-нибудь подобное, а увидев их, может, ещё и обходить стороной станет.

Увидев, что Цинь Пин отлично справился с делом, Чу Му удовлетворённо кивнул. Однако его взгляд стал серьёзным, когда он посмотрел на Се Тин Юэ:

— Об этом происшествии я напишу тестю и всё подробно изложу.

Се Тин Юэ на мгновение замер, а затем понял.

Чу Му был коварен.

Учитывая характер отца, который презирал бедность и преклонялся перед богатыми, его убеждение, что выгода — это всё, Се Тин Юэ рассудил: Се Тин Жи разгневал Чу Му, а это означает ущерб для интересов отца. И даже если Се Тин Жи уже был наказан, отец всё равно не оставит это так и обязательно накажет ещё строже. А если его мачеха, госпожа Линь, вдруг решит вмешаться, то чем больше она будет хлопотать, тем сильнее отец накажет Се Тин Жи.

Будущая жизнь Се Тин Жи явно станет очень тяжёлой.

— Впредь я не позволю ему даже приблизиться к тебе, — сказал Чу Му, сжимая руку Се Тин Юэ и глядя предельно серьёзно. — Если он посмеет сделать это снова, я не стану сдерживаться.

Следующий раз будет по-настоящему смертельным.

Се Тин Юэ взглянул на его руку и улыбнулся:

— М-м.

Хан Цин Си вскоре вернулась с членами рода Сяо, чтобы привести в порядок двор и устроить всех. Разумеется, она тоже успела полюбоваться на живописную позу — руки-ноги врозь — в которой был подвешен Се Тин Жи.

— Ой... что это за штукавина... — Хан Цин Си тут же прикрыла глаза рукой.

Стоявшие рядом члены рода тут же начали насмехаться:

— Ха-ха-ха, гляньте-ка туда, какой крошечный! Невестка, не надо прикрываться, эту штукавину всё равно не разглядеть, ячмень* от неё не выскочит!

*П.п. Ячмень на глазу — в народном поверье считается, что эта болезнь случается с теми, кто подсматривает за чем-то неприличным.

— Не, не, надо подойти поближе рассмотреть. Это какой же братец, с настолько необычным сложением, смог решиться на такое и отважился практиковать тот самый... манускрипт**?

— Ни фиги себе! Давайте все сюда, гляньте вблизи — он и вправду малюсенький!

**П.п. Здесь через образы уся/сянься и один мем саркастически сравнивают Се Тин Жи с героем цзянху у которого особое телосложение, предопределённое для великого пути. И он ради силы пошёл на героический, трудный поступок — оскопил себя. А манускрипт — это мифического «руководства по кастрации», которое якобы делает человека могущественным. Информация про мем будет в конце главы.

Люди рода Сяо в дела чужих семей не лезли. Вокруг были почти все свои, а чужих — всего пара незнакомых лиц. После всего, что произошло, и по именам, и по разговорам стало ясно, что Се Тин Жи и Се Тин Юэ — братья. Раз это семейное дело, и один брат воспитывает другого, как же они, посторонние, могут встречать? У других может и не быть правил, но они-то носят фамилию Сяо — им никак нельзя опускаться до такого.

Более того, только что пережив опасную ситуацию, они получили помощь от Се Тин Юэ и Чу Му. Кто здесь свой, а кто чужой, на чью сторону встать — разве в этом ещё можно было сомневаться?

Поэтому, независимо от того, говорил что-то Се Тин Жи или нет, умолял о пощаде или нет, на него попросту не обращали внимания.

Се Тин Жи... Сердце Се Тин Жи превратилось в потухший пепел*.

*П.п. «Сердце подобно потухшему пеплу» — состояние глубокой апатии, опустошённости и безнадежности, наступившее после эмоционального потрясения, когда все чувства и надежды угасли.

Рабочих рук хватало, и действовали они проворно, так что место вскоре было приведено в порядок. Пусть условия и были стеснёнными, горячий бульон, чай и лёгкие закуски всё же вскоре оказались на столах.

Се Тин Юэ полагал, что Чу Му всего лишь на мгновение выбило из колеи, и теперь его эмоции полностью пришли в норму, но оказалось, что всё обстоит совершенно иначе.

Чу Му крепко держал его за руку, следуя за ним повсюду. Где бы он ни находился, там же был и Чу Му. Что бы он ни делал, Чу Му делал это вместе с ним. Не отходил ни на шаг, даже в уборную не позволял сходить одному. Если Се Тин Юэ пытался возразить, Чу Му сердился ещё

сильнее, чем он сам.

Впервые Се Тин Юэ видел Чу Му таким настойчивым и настолько странным. Его губы были поджаты, брови нахмурены, выражение лица серьёзное и мрачное, без единой тени улыбки.

Но почему-то Се Тин Юэ чувствовал, что из них двоих сейчас тяжелее именно Чу Му.

Се Тин Юэ глубоко вздохнул, наклонился и крепко обнял Чу Му:

— Не волнуйся больше, хорошо? Видишь, я в полном порядке, ничего не случилось.

Чу Му лишь ответил:

— М-м.

Се Тин Юэ мягко продолжил:

— Тогда отпустишь меня?

— Нет.

Се Тин Юэ: «...»

— Ты... всё ещё злишься из-за того, что случилось?

Чу Му не ответил.

Но молчание тоже было ответом. Он всё ещё сердится.

Се Тин Юэ был совершенно бессилен.

На этот раз Чу Му сердился по-настоящему и очень сильно.

Ничего не поделаешь, свой же человек, оставалось только как следует уговаривать. Сдерживая раздражение, Се Тин Юэ понизил голос, словно уговаривая ребёнка:

— Я отойду всего на чуть-чуть и сразу же вернусь, хорошо? Ты просто подожди снаружи, даже до двадцати досчитать не успеешь — и я уже перед тобой. Ладно?

Чу Му крепко сжал губы и отвернулся.

— Если ты и дальше будешь так себя вести, я рассержусь, — сказал Се Тин Юэ.

Чу Му на мгновение застыл.

После долгой паузы он наконец спросил:

— Только на чуть-чуть?

— Только на чуть-чуть, обещаю.

— Ладно, я тебя провожу.

Пройдя вперёд некоторое расстояние, Чу Му с неохотой посмотрел на руку Се Тин Юэ:

— Тогда я отпускаю?

Чу Му с таким трудом удалось уговорить, поэтому Се Тин Юэ вёл себя крайне покладисто, и улыбался при этом особенно лучезарно:

— Да! Обещаю, сразу же вернусь!

Чу Му разжал пальцы, отпустив руку Се Тин Юэ.

Желая успокоить Чу Му, Се Тин Юэ всё время улыбался и... почти не следил за тем, куда ступает.

И тут он, сам не зная, на что, наступил, — подошва поехала, а тело резко пошатнулось!

Се Тин Юэ изо всех сил пытался устоять, но по инерции завалился и полетел прямо в объятия Чу Му.

Тот, уже заранее раскинув руки, тут же поймал его и крепко прижал к себе.

Се Тин Юэ: «...»

Чу Му прижался к его щеке и низким, хриплым голосом сказал:

— Видишь, это ливень доставил тебя в мои объятия. Я и пальцем не пошевелил.

Се Тин Юэ: «...»

Какой бесстыдник! Какой наглец!

Думаешь, я не заметил, как ты сжал губы, пытаешься скрыть улыбку?

Он же не такой болван, как Се Тин Жи. Сначала он не сообразил, но теперь, видя результат и заново обдумывая случившееся, он всё понял: вся эта ситуация была делом рук Чу Му! Он заранее присмотрел место, возможно, даже проиграл в голове различные сценарии, нарочно подвёл его сюда, чтобы разыграть этот номер!

Этот благородный и утончённый господин... на самом деле полон хитростей, которые и представить невозможно!

А Чу Му продолжал изображать обиду:

— Я ведь уже послушался супругу и один раз отпустил. Теперь супруга тоже должна сдержать обещание и покорно позволить мужу обнять себя.

У Се Тин Юэ всерьёз разболелась голова. Нельзя же быть таким коварным!

Но он также подозревал, что Чу Му пережил чрезмерное потрясение, отчего его привязанность раздулась сверх меры, и он теперь не в силах выносить даже мимолётную разлуку. Вероятно, это было лишь временное явление и со временем оно пройдёт.

И спорить тут было бессмысленно.

Он мысленно вздохнул. Ему ничего не оставалось, как взяться с Чу Му за руки и, подобно маленьким трёхлетним детям, везде ходить вместе, даже в уборную. К счастью, они оба были мужчинами, что значительно уменьшило чувство стыда. Неловкость была временной, и с ней можно было справиться потом.

Несмотря на это, Се Тин Юэ ощущал, что всё становится всё более и более странным.

В первые дни после свадьбы в его общении с Чу Му не было и тени неловкости. Тогда он мог переодеваться прямо при нём, даже не помышляя о том, чтобы отвернуться. Позже... он стал проявлять щепетильность, стремясь уединиться для любого интимного дела. Ухаживая за Чу Му, он поначалу не испытывал никаких затруднений, куда бы ни прикасался, но затем, дотрагиваясь до чувствительных мест, невольно начинал воображать лишнее...

А сейчас стоило ему сделать с Чу Му то, что с любым другим мужчиной не вызвало бы ни малейшего стеснения, и его охватило ни с того ни с сего чувство стыдливости.

Если взглянуть на Чу Му — тот не проявил ни капли неловкости! Спокойный, невозмутимый, уверенный в себе! Более того, время от времени в его глазах вспыхивал особый блеск, и, скользя по телу Се Тин Юэ, взгляд его казался полным предвкушения...

Се Тин Юэ внезапно вспыхнул. Зачем ты голову отворачиваешь? Я же всё видел!

А-а-а-а! Какая раздражающая сцена! Почему краснеть и смущаться приходится только ему одному!

.....

Но как бы ни было неловко, жизнь всё равно продолжалась, и время неумолимо шло вперёд.

Преследователи принца Ли на время отступили, но действительно ли они ушли? Они крепко вцепились в свою цель — принца Ли. Благодаря находчивости Чу Му и кинжалу у горла им пришлось отступить, но, отойдя, они наверняка не ушли далеко и непременно оставили наблюдателей. Стоит принцу Ли остаться одному или оказаться без находчивого Чу Му — они тут же вернуться.

Принц Ли говорил, что он потерял свою охрану из виду и уйдёт, как только станет безопасно. Но при таком ливне восточная гора превратилась в настоящий остров. Как он уйдёт и куда ему вообще идти?

Более того, Чу Му своими действиями произвёл на него огромное впечатление. Пока его личная охрана не придёт за ним, он решил не покидать это место — ведь рядом с Чу Му он чувствовал себя в абсолютной безопасности!

Как обращаться с принцем Ли — это одна проблема. А как противостоять преследователям, что так крепко вцепились в принца Ли и не собирались отпускать, — это куда более серьёзная проблема.

Что касается стороны Сяо Юнь Фэна, то после того как Чу Му убил главаря разбойников, это привело к полному разрыву отношений и гибели ещё двух человек. Ситуация превратилась в смертельную вражду без возможности примирения. Уходя, те люди поклялись вернуться и отомстить. Сколько у них людей, когда они появятся — всё это оставалось неизвестным, и против всего этого нужно было готовиться.

Однако этот проклятый ливень никак не прекращался!

Что же делать?

Как ни крути, нужно было придумать способ противостоять всему этому.

После того как стороны обсудили положение и пришли к согласию, все собрались в комнате, усевшись вокруг стола. Се Тин Юэ, подняв вместо вина чашку с чаем, произнёс тост в честь Сяо Юнь Фэна:

— Прошу прощения, кажется, я доставил немало хлопот главе рода.

— Ничего страшного, — отозвался Сяо Юнь Фэн, зная, что тот имел в виду дело с разбойниками. — Мои принципы с их несовместимы, рано или поздно всё равно пришлось бы схлестнуться. Я буду рад, если всё закончится быстро.

Хан Цин Си, находившаяся рядом, тут же поддержала мужа:

— Господину Се не стоит беспокоиться. Все последствия этого дела мой муж сможет разрешить самостоятельно. Однако ливень всё ещё идёт, и если противники решатся напасть сейчас, боюсь, они втянут в это и вас. Заранее прошу вас отнестись к этому с пониманием.

Тут же вступил в разговор и принц Ли:

— В таком случае у меня неприятностей будет побольше, и боюсь, мне придётся возглавить вас, доблестные воины.

Не раскрыв своего подлинного положения, он сочинил историю о богатом торговце, которой все поверили. Теперь ему приходилось играть роль простолюдина ещё усерднее — даже в разговоре он стал складывать руки в почтительном жесте.

Чу Му, помедлив, произнёс:

— Итак, главное — как преодолеть эти две напасти.

Настоящая же проблема заключалась в том, что их было мало и силы их невелики. Если противники по случайности нападут одновременно, они не смогут им противостоять.

Эти две напасти нацелены на разных людей, и в каждую из них замешаны иные важные обстоятельства. Например, в деле Сяо Юнь Фэна замешаны соль, семья Чу и Се Тин Юэ, которого видели разбойники. В деле принца Ли замешана некая вещь, которую хотят другие, о которой не знает даже он сам, а также Чу Му, чьё лицо уже видели его враги.

Каждый, кто сидел сейчас за столом, уже был втянут в эту ситуацию, и никто не мог остаться в стороне.

П.п. Шутка про манускрипт основана на известном в китайском интернете меме о «□□□□» (Kuǐhuā Bǎodiǎn — «Сокровенный манускрипт Подсолнечника») из романа «Смеющийся гордостью в мире» Цзинь Юна. В нём для обучения могущественному боевому искусству первым условием является именно физическая кастрация («□□□□□□□□□□» — «Возжелаешь практиковать божественное искусство — обнажи меч и оскопи себя»). Этот мем широко используется для шуток о радикальных и нелепых «жертвах» ради цели.

<http://bllate.org/book/13821/1219786>